

Консерватизм полезен постольку, поскольку он традиционалистичен и рационален

А.В. Шубин, доктор исторических наук

Должен признаться, что я — человек постиндустриалистических, левых, в чем-то радикально-прогрессистских взглядов — часто с симпатией отношусь к тому, что пишет и говорит М.В. Ремизов. Читая тезисы его доклада, я окончательно для себя определился, что консерватизм в том виде, в каком он выражен в тезисах, — это наш союзник. Против чего союзник?

Здесь в качестве негатива выступал проект Просвещения. Но, на мой взгляд, зло заключается не в нем, а в исчерпании более общего, более сущностного проекта — индустриального общества, понимаемого не как общество промышленности, а как общество узкой специализации и стандартизации. Индустриальное общество родилось как уклад до Просвещения, которое стало лишь его надстройкой.

Именно индустриальному проекту, модерну объективно должен противостоять консерватизм в той степени, в которой он традиционалистичен. И в тезисах очень много отсылок к этому, и, естественно, постиндустриальные социалистические взгляды, которых я придерживаюсь, пересекаются с этой аргументацией еще со времен народничества, защищавшего общину от наступления капитализма.

Поэтому все мои возражения будут носить не идеологический характер, а характер замечаний специалиста дружественного, который критикует непоследовательность союзника.

Во-первых, и об этом уже говорили, есть сюжеты, где консерватизм, в лице докладчика, вдруг становится на сторону нашего противника. Прежде всего, конечно, это национальное государство. Нет ничего другого, что является более «модерным», большим порождением именно индустриальной

цивилизации, стирающей общинность, плюрализм традиционных объединений. Можно это приветствовать, можно не приветствовать, но эта машина — вызов традициям, которая в реальной истории стирала их в порошок.

Я, кстати, не согласен с В.М. Межуевым, что общины обязательно разделяют людей. Общины их организуют. Община — не «разобщенность», а «общение». Реально общины всегда находили, как сложиться дальше в какую-то более широкую общность. Государство разделяет их жесткими границами, оно натягивает между ними колючую проволоку. Лотарингцы в Средние века были и во Франции, и в Германии, их язык был промежуточным. А государство четко потребовало определиться. Национальное государство навязывает культурные стандарты, даже если ценой этому является этническая чистка и разрыв с полифонией общинных традиций.

Второе — это, конечно, Гегель. Нет ничего более прогрессистского, чем Гегель. Безусловно, он одновременно и утопист. Его утопия, как замечательно показал Фукуяма, победила на каком-то этапе. Правда, любая утопия не может продержаться долго у власти. Прогрессиизм, динамизм Гегеля, на мой взгляд, вполне очевидны. Конечно, каждый разумный человек может что-то взять из Гегеля. Что-то взял Маркс, что-то взял сегодняшний докладчик. Но назвать Гегеля консерватором неправильно. Это все-таки фигура, близкая и к либерализму. Гегель постольку близок к консерватизму, поскольку консерватизм сегодня растворяется в либерализме — вслед за Маргарет Тэтчер.

Следующий момент — это историзм и универсализм. В тезисах они очень жестко противопоставлены. И М.В. Ремизов, и В.М. Межуев апеллируют к историзму. При этом они говорят о совершенно разных вещах. Мне кажется, что я здесь могу оказаться арбитром, потому что историзм — это тот термин, который практически в каждую диссертацию по истории вписывается как методологическая основа исследования с тех пор, как перестали вписывать марксизм. Де-

лается это не просто ради красного словца. В нашей науке есть понимание, что это такое: это рассмотрение явления в его месте и времени. Именно в этом смысле историзм возобладавал в качестве мейнстрима *советской* науки, и потом перекочевал (поскольку он оказался вполне жизнеспособным) в мейнстрим современной науки. Он не противостоит универсальным закономерностям (в советское время это было бы немислимо, а сейчас — вредно). Речь идет о том, что понимания явления в его месте и времени мы должны выстроить в системе координат, чтобы определить, где это место и время находятся. Если у нас нет этой универсальной системы координат, мы не сможем определить координаты рассматриваемого явления. Все равно нужны какие-то универсалии. Более того, у докладчика они есть. Он не сказал, что мы, христиане, живем в своем мирке: не лезьте к нам, мы будем жить своими разобщенностями. М.В. Ремизов сказал о продвижении универсального учения огнем и мечом, и поскольку он человек интеллигентный — так же и словом. Т.е. мы идем со словом своим и объясняем *им*, что такое Человек, и настаиваем на этом. Это универсализм. Мы делаем наше понимание человека универсальным, в том числе и для тех, кто пока этого не понял.

В тезисах была упомянута цивилизованность, которая тоже является универсалией. Как я уже неоднократно говорил на этом семинаре, противопоставление цивилизации и стадильности имеет столько же смысла, как противопоставление параллелей и меридиан в географии. Желательно иметь несколько универсалий, которые позволят показать всю сложность явления, ограничив его от других, но и показав место среди других. В докладе много универсалий, так почему надо использовать одни и отказываться от других?

Следующий пункт — охранительство и консерватизм. По Ищенко, которого я упомянул в своем вопросе (он замдиректора Института всеобщей истории РАН, специалист по консерватизму), получается как-то четче. Он разграничивает

охранителей и консерваторов. Вы их тоже разграничиваете, но совершенно иначе. Я все-таки останусь на его стороне. Если говорить о рефлекторности или концептуальности, то это совсем другое. В каждом учении есть свои рефлекторные защитники, но трудно назвать консерватором, скажем, твердого защитника взглядов анархизма. Разве что догматиком. Если речь идет о защите сложившихся отношений, мне кажется, это уместнее назвать охранительством. Концептуализация тоже не годится как критерий — у Лигачева, конечно же, она была. Но совсем не консервативная, если вспомнить, например, теоретиков русского консерватизма XIX в. У охранителей КПСС были аналитические центры, идейные течения, они отвечали на ваши вопросы. Но я никак не могу их на идеологическом, политическом спектре поставить рядом с Карамзиным и Леонтьевым. А вот их многое роднит с Тэтчер, которая тоже что-то защищала в своей цивилизации сущностное. Лигачев и Тэтчер защищали очень разные вещи. Консерватизм как идеология имеет набор некоторых принципиальных положений, которые отграничивают его от, скажем, коммунистического учения. Думаю, это принципиальный элитаризм, идеологическое оправдание иерархизма, в современности — частной собственности.

Понимание консерватизма как охранительства настолько размыкает понятия, что лишает его права на самостоятельное существование вне других идеологий. В связи с этим мне кажется неверным, что консерватизм противостоит всем идеологиям Просвещения. Все перечисленные идеологии приобрели зрелую форму в эпоху Просвещения, но и консерватизм приобрел зрелую форму. А в доиндустриальную эпоху консерватизма как идеологии, в общем-то, не было. Соответственно, он тоже является проявлением просвещенческого проекта, определенной идеологической стандартизации. Любопытно, что коммунизм как раз был до Просвещения. Здесь упоминался Томас Мор, очевидный представитель коммунистическо-социалистической традиции. Конечно,

это еще несовершенный социализм, как и Макиавелли — несовершенный протоконсерватизм.

Они все параллельно развивались, они были все в проформах до Просвещения, а в Просвещении проявились в зрелых формах. Консерватизм в этом отношении — как все.

И последнее — утопия. Да, есть понимание Карла Шмидта, он имеет право выдвигать свою терминологию, но все-таки слово «утопия» выдвинули и развивают другие. Я бы хотел предложить другое понимание. Утопия — это место, которого нет, но желательно, чтобы оно было. Это определенный проект. В смысле проектности утопия вещь весьма распространенная, и, мне кажется, она не чужда консерватизму. Посмотрим на Маргарет Тэтчер. Она, будучи консерватором, выявила в истории нечто, что является существенным в течение веков. Есть некий идеал, некая модель, которая важна для консерваторов тем, что она существовала не в течение последних десятилетий, а что это некоторый цивилизационный путь. Данный цивилизационный путь совершенно очевидно отличается от того, что существует в Великобритании в последние десятилетия. После правительства Эттли в Британии развивается система социального государства. И Тэтчер бросила ему вызов, опираясь на свою утопию, стремясь к месту, которого в 1979 г. не было, — к старой доброй Англии. Самая распространенная фраза, которую приходилось слышать в Великобритании в 1990 г., когда Тэтчер уже шаталась, что эта дама разрушила Англию. Это было столкновение двух Англий, где консерваторы были утопичны, преобразуя существующее положение, а лейбористы — охранительны. Тем не менее, право на консерватизм в этой ситуации имеет Тэтчер. Она отстаивала определенные ценности, в данном случае — частную собственность, приватность, великодержавность, элитаризм. Набор консервативной идеологии.

В защиту наших единоклассников могу сказать, что среди них тоже есть люди, являющиеся идеологическими консервато-

рами, если познакомиться с их программой. Ведь они защищают те же принципы, что и Тэтчер: частную собственность, великодержавность, интересы существующей элиты.

Утопия — это сконструированный, рациональный проект. В этом отношении он является в значительной степени продуктом индустриальной эпохи, опять понимаемой не как промышленная, а как рациональная эпоха. Может быть, это вызовет у докладчика критику в адрес утопии. Хотелось бы услышать, присуща ли эта утопия консерватизму или она ему враждебна? Наша утопия — соединение рационального постиндустриального проекта и традиции, также противостоящей индустриальной социальной машине. Сам автор рассуждает рационально, я чувствую, что и здесь в чем-то мы можем оказаться союзниками.

Традиционализм не тождественен консерватизму

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Характеру современного осмысления феномена консерватизма наиболее точно соответствует фраза Владислава Суркова: «Мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое». Мне представляется, что и сегодняшнее обсуждение не подвело к принципиальному ответу на вопрос: а в чем же, собственно, состоит сущность консервативной идеологии?

Основной дискурс сейчас идет по вопросам номинации консервативных ценностей и описанию многообразия форм консервативной мысли. В результате мы приходим к такой констатации: консерватизм многогранен, и консерваторы — это те, кто за все хорошее и против всего плохого. Кто же с ними не согласится? Важна ли Церковь? Безусловно. Государ-